

## Глава 29. Часть двадцатая. Собрание в поместье принца. Цзя Чжу находит веер (IV)

Сад при поместье принца Цзиня раскинулся на славу: взору открывались величественные павильоны с резными стенами и вздымающиеся к небу расписные карнизы. Цзя Чжу неторопливо прогуливался, стараясь, впрочем, не отдаляться слишком далеко, дабы не заплутать в незнакомом месте — не хватало еще заставить хозяев разыскивать гостя. Он брел по длинной крытой галерее, где мягко светились подвешенные к потолку квадратные стеклянные фонари.

«И где мне прикажешь искать Сююя в этой бескрайней усадьбе? — размышлял он. — Мало того что этот неженка дрожит от малейшего дуновения ветра, так еще и в трех соснах умудряется заблудиться. Забредет в какую-нибудь глушь, поминай как звали...»

Но тут же Чжу-эр с облегчением улыбнулся собственной мысли. Одно радовало: к воде Сююй ни за что не приблизится. С тех пор как в детстве он едва не утонул, этот сухопутный гусь боялся глубины как огня и обходил любой декоративный пруд за версту. На лодку его и калачом не заманишь, разве что силой усадишь вместе с толпой провожатых.

Так, неспешно шагая, Цзя Чжу дошел до конца галереи и спустился по каменным ступеням в сад. Он еще некоторое время покружил по дорожкам, но, кроме сновавших туда-сюда слуг, ни души не встретил. Делать нечего — пришлось оставить бесплодные поиски и поворачивать обратно к парадному павильону.

Он уже огибал причудливую глыбу камня Тайху, собираясь выйти к соседней галерее, как вдруг он заметил что-то на земле. Там, куда падал слабый, рассеянный свет бумажных фонарей, лежал складной веер.

Цзя Чжу наклонился и поднял находку. Вещь оказалась на редкость изысканной и дорогой: остов был выточен из цельного темно-зеленого нефрита, а к кольцу на рукояти крепилась подвеска в форме ивового листа с искусно сплетенной кисточкой из бледно-желтого шелка. Развернув шелковое полотно, он обнаружил тонкий рисунок — увядающие лепестки и тянущиеся плети дикого винограда, а на свободном краю изящным каллиграфическим почерком было начертано стихотворение:

«Луна зажглась — цветы струят прозрачный аромат,

Плющом обвитая тропа дохнула хладной мглой.

Весенней грусти долгий день качает тень мою,

А краткий сон уносит вдаль тоску без берегов»

Прочитав стихи, Цзя Чжу невольно восхитился утонченным вкусом неизвестного поэта. Кому

же могла принадлежать столь драгоценная вещица? Из всех его знакомых лишь Сююй питал непреодолимую страсть к разрисовыванию вееров да выписыванию на них витиеватых строф. Он никогда не выходил в свет без веера, украшенного каллиграфией своего названного брата, да и дома у него хранился целый ларь таких подарков — никак не меньше нескольких десятков штук. Не будь почерк на шелке чужим — а здесь рука мастера вывела летящие полукурсивные иероглифы, совсем не похожие на строгую кисть Сююя, — он непременно решил бы, что тот снова обронил свою игрушку.

Строки дышали затаенной печалью, свойственной брошенной женщине или тоскующей в уединении наложнице, которая изливает душу весеннему ветру и бледной луне. Неужто столь нежное создание томится здесь, в покоях принца?

«А вдруг этот веер обронила одна из наложниц его высочества? — подумал Цзя Чжу, и слегка забеспокоился. — Если об этом узнает кто-то посторонний, беды и кривотолков не оберешься».

Решив не поднимать шума, он рассудил, что разумнее будет дожидаться удобного случая и с глазу на глаз передать находку самому Шуй Жуну. Спрятав веер в широкий рукав халата, Цзя Чжу поспешил уйти с открытого места.

Он уже собирался обогнуть каменную горку и подняться по лестнице, как вдруг с соседней тропинки донеслись торопливые шаги и приглушенный разговор. Не желая неловких расспросов, Цзя Чжу поспешно отступил в густую тень, отбрасываемую искусственной скалой. К его досаде, прохожие остановились в нескольких шагах от его убежища.

— Ох, наказание ты мое! Драгоценный мой Юэлинь! — раздался сокрушенный голос немолодого мужчины. — Ну сколько можно упрямиться? Своим своенравием ты меня, наставника твоего, в могилу сведешь! Что мне с тобой делать?..

В ответ раздался чистый, звонкий юношеский голос. Цзя Чжу показалось, что он уже слышал его раньше. Немного подумав, он вспомнил: точно такой же голос доносился из кареты, которая едва не врезалась в их повозку во время недавней стычки со слугами принца Цзиня. Это был Янь Мумэй, знаменитый исполнитель женских ролей в княжеской труппе.

— Петь мне сегодня или нет — мое личное дело! — отрезал юноша с неприкрытым раздражением. — Твоя доля от этого меньше не станет, так что не лезь не в свои дела, наставник!

— Юэлинь, не глупи! Разве можно потакать всем своим капризам? — в голосе наставника послышалось отчаяние. — Сам ведь знаешь, что молодой принц сейчас без ума от тебя. Тебе бы радоваться да укреплять свое положение, пока дают! А ты... Хочешь уступить место этому проходимцу Жунгуаню? Только и ждешь, как бы сделать ему подарок! Подумай о будущем: годы пройдут, лицо подурнеет, голос огрубеет — и кому ты тогда окажешься нужен, когда не сможешь выходить на сцену?

Янь Мумэй лишь презрительно фыркнул.

— Вот и славно! Скорее бы голос пропал, хоть избавлюсь от этой позорной доли шута и угодника! А если не выйдет — так лучше в петлю полезть, чем всю жизнь пресмыкаться. И нечего прибедняться, наставник: без моих грошей ты по миру не пойдешь, у тебя в труппе «Ляньцзинь» еще полно дураков, готовых гнуть спину за медяк.

Послышались тяжелые шаги — наставник в крайнем раздражении мерил тропинку взад-вперед. Наконец он остановился и заговорил дрожащим от злости голосом:

— Юэлинь, глупая твоя голова! Да когда же ты поймешь, что я ради тебя одного стараюсь?! Своими вечными капризами ты испытываешь терпение господина. Рано или поздно принцу наскучат эти сцены, он охладет к тебе, и тогда тебя просто вышвырнут на улицу как паршивую собаку! Неужели ты этого не понимаешь?!

— Да пусть хоть сейчас выгоняют! — огрызнулся юноша. — Очищусь от этой грязи. По крайней мере, не придется больше кривляться на потеху толпе и сносить брезгливые взгляды господ.

Шаги наставника стали еще яростнее, шуршание гравия выдавало его крайнее смятение. Он долго молчал, силясь совладать с дыханием, и наконец заговорил тише, сменив гнев на уговоры:

— Хорошо, пусть на меня тебе плевать. Но побойся неба, Юэлинь! Неужто в твоём сердце нет и капли благодарности к молодому принцу? Он ведь души в тебе не чаёт, осыпает милостями. Неужели тебе совсем его не жаль? Подумай, каково ему разрываться между долгом и чувствами из-за твоего упрямства?

После этих слов Янь Мумэй притих. Тяжелое молчание повисло в воздухе. Выждав немного, наставник взял юношу за локоть, и они вместе зашагали прочь по тропинке, скрываясь в темноте.

Дождавшись, пока шорох шагов окончательно затихнет вдали, Цзя Чжу осторожно выбрался из своего укрытия. Он горько и холодно усмехнулся.

«Да уж, даже в таком благородном доме нет покоя, — подумал он. — Обыкновенные комедианты, а интриги плетут похлеще придворных».

То, с каким неистовством Шуй Жун предавался страсти к театральным угодникам, явно было делом не одного дня. Стоило ли удивляться, что в будущем его соперничество с принцем Чжуншунем из-за юного актера Цзян Юйхана обернется катастрофой, которая зацепит и поместье Цзя? Эта пагубная привязанность грозила стать искрой, способной спалить дотла чужие дома.

«Нужно держать ухо востро и держаться от этих драм подальше», — решил про себя Цзя Чжу. Погруженный в эти безрадостные думы, он неторопливо пошел обратно в гостиную залу.

<http://bllate.org/book/18221/1759482>